

Сумеет ли мы преодолеть возрастную разобщённость школьников?

Ярослав БЕРЕГОВОЙ, главный редактор журнала «Педагогика толерантности»

Статья, которую мы вам предлагаем, вполне возможно, вызовет у многих учителей (и не только учителей) несогласие с автором. Но не будем спешить с выводами, не будем с плеча рубить шашкой.

Мы ко многим явлениям привыкаем. Вериги социального опыта подчас делают нас слепыми, о чём Пьер Тейяр де Шарден очень точно сказал: «Немало случаев, когда труднее заметить как раз то, что само должно бросаться в глаза».

Прочтите, пожалуйста, статью нашего киевского коллеги без предвзятости и раздражения: вот, мол, ещё что придумал... Кстати сказать, проблему, о которой идёт речь, «придумал» не он. Ещё в 20–30-е годы её увидел и блистательно решил великий педагог Антон Макаренко с помощью разновозрастных отрядов, органического включения подростков в жизнь и труд взрослых.

Разновозрастные отряды как средство воспитания использовали и последователи А.С. Макаренко. Но в современной нашей практике это всего лишь эпизоды, воспитательные «приёмы», а не естественная постоянная среда воспитания.

В чём мы решительно не можем согласиться с автором статьи, так это с его попыткой «обвинить» в наших воспитательных бедах классика научной, природосообразной педагогики Я.А. Коменского. Автор пишет: «Я.А. Коменский настойчиво рекомендовал, требовал учить всех в каждом классе одним и тем же темпом, не допуская ни отставания, ни опережения. А это и потребовало собирать в каждом классе детей одного уровня развития, одинакового возраста...»

В данном случае недобрую службу сослужила автору наша «совковая» привычка начётнически, бессистемно, вне контекста цитировать классиков: что нам надо, то и подтвердим цитатой! Да, Коменский пишет: «Развитие способностей есть не что иное, как уклонение или недостаток естественной гармонии. Против недостатков ума человеческого пригоднейшим средством будет такой метод, посредством которого измерялись бы уклонения. Вследствие этого наш метод приспособлен для средних способностей (какие встречаются чаще всего), чтобы не было недостатка в тормозах для сдерживания более тонких натур, равно как и в шпорах для побуждения медленных...» (Коменский Я.А. Избр. пед. соч. М., 1955. С. 234).

Но епископ протестантской общины «Чешские братья», выдающийся религиозный деятель Ян Амос Коменский пёкся о каждом безграмотном ребёнке и писал это только применительно к начальной общенародной монастырской школе, церковноприходской, как называли её на Руси. В этой школе, где он преподавал все предметы, детей обоего пола учили читать, писать, считать. Епископ Коменский был для них поводырём, «детоводителем», тем взрослым, без которого ребёнок на первых порах овладения грамотой не может обойтись. Обвинять Коменского в уравниловке, в том, что он «обрёк мир» на классно-урочную систему (а желающих сделать это сегодня немало), — по меньшей мере некорректно. Послушаем, что говорит Коменский в продолжение той цитаты, которую автор статьи приводит в качестве «педагогического обвинения»: «...При указанных недостатках и уклонении способностей скорее можно помочь, пока они новы. Как на войне новобранцы смешиваются со старыми солдатами, слабые с крепкими, ленивые — с подвижными, и все сражаются под одними и теми же знамёнами, по одним и тем же приказам. А после победы каждый преследует врага, пока хочет и может, забирая добычу по желанию. Так в научном походе необходимо, чтобы более медленные смешивались с более быстрыми, упрямые — с послушными и учились бы по одним и тем же правилам и предметам до тех пор, пока нуждаются в руководстве.

По окончании же школы (начальной, предназначенной для всех детей! — Ред.) пусть каждый изучает и усваивает науки с той быстротой, с какой может».

Если после этого кто-то упрекнёт Я.А. Коменского в стремлении к уравниловке детей, в порочности классно-урочной системы, — он поступит просто безнравственно. Классно-урочная система была величайшим научно-педагогическим изобретением, по своему влиянию на исторические судьбы европейской цивилизации равнозначным первой промышленной революции. Она позволила в исторически короткий срок обеспечить поголовную грамотность всего детского населения Европы. Триста лет классно-урочная система служит образованию во всём мире, многократно увеличивая производительность педагогического труда. И не вина Коменского в том, что и спустя три века после его изобретения высокообразованные учёные мужи во всём мире не придумали ничего лучшего, более рационального, чем класс и урок для организации процесса обучения.

Так что не станем обвинять классика. С благодарностью потомков и трёхсотлетних пользователей этого изобретения скажем ему спасибо и будем думать о том, как нам преодолеть возрастную разобщённость детей и социальную разобщённость общества...

Читаете ли вы газету, журнал, смотрите ли телевизор, слушаете ли радио, ведёте разговоры в транспорте, на работе, в дружеской компании, — всюду на вас обрушиваются новости, одна другой страшнее: там ограбили, там избили, изувечили, изнасиловали, там убили среди бела дня, — в подъезде, в квартире...

Отцы со звериной жестокостью истязают своих малолетних детей, матери выбрасывают младенцев на помойки, в мусоропроводы, в лучшем случае «забывают» на вокзалах, у подъездов, оставляют в роддомах; дочери и сыновья избавляются от своих немощных родителей — отправляя их в дома престарелых или просто гонят на улицу...

Девушки, молодые женщины словно в одночасье потеряли стыд, утратили женское достоинство — легко и просто уводят мужей из семьи, занимаются проституцией. И — разводы, разводы, разводы, — трещит по всем швам, разваливается семья; разлагается от «свободных» отношений.

Первыми жертвами этого социального кошмара становятся миллионы детей. Подобных нынешним масштабам роста детско-подросткового бродяжничества, сиротства, алкоголизма, преступности, самоубийств мы не знали во всей прошлой своей истории.

Можно, конечно, во всём этом обвинить тяжёлые экономические условия, в которых мы живём. Но только ли в них истоки этого вселенского «свального греха»? Среди множества причин, породивших этот тотальный нравственный распад общества, нет ли какой-нибудь довлеющей, которая не лежит на поверхности, но активно влияет на ситуацию?

В недавние ещё, в общем спокойные, сытые годы все эти напасти (кроме нищеты и разгула преступности) уже «цвели» всюду, ускоренно нарастали. Это подтверждает и ситуация в большинстве процветающих, развитых стран: как и мы, они охвачены большинством таких же социальных бед. Достаточно сказать, что США при всём своём могуществе, богатстве прочно удерживают и мировое первенство по преступности, проституции, наркомании, массовости разводов, детскому полусиротству.

Так что не в нищете и не в богатстве причина. Я вижу её в тех коренных исторических переменах, которые произошли в XX веке в основах человеческого общежития: переброшены, перевернуты взаимоотношения, жизненный уклад миллионов людей.

Научно-технический прогресс и вызванная им стремительная урбанизация, сокращение сельского и возрастание городского населения, перемещение миллионов людей их одного состояния в другое, — новое, непривычное для них; распад сельского народного жизненного уклада, разрушение церкви, религии, веры; рост общественного воспитания, — а с ним снижение влияния семьи, массовое вовлечение женщин в производство, извращение женской (да и мужской) эмансипации; отказ школы от воспитания — всё это породило веер сложнейших социальных проблем, чреватых катастрофическими последствиями и для каждого человека, и

для всего общества.

Среди этих проблем самой труднопреодолимой, вызывающей нарастающую тревогу является одновозрастное обучение и воспитание детей в детясях, детсадах, школах, профтех-училищах, в средних специальных и высших учебных заведениях, всё большая изоляция детей от жизни и деятельности взрослых.

Это явление получило название «**возрастная сегрегация**».

Через этот новый вид человеческой сегрегации прошло уже не одно молодое поколение, проходит и нынешнее, пройдут и грядущие, если всё останется по-прежнему.

Чтобы понять и оценить последствия одновозрастного воспитания, изоляции детей, необходимо исследовать это явление. Но такие исследования ещё не проведены и даже не запланированы. Некоторое представление о последствиях возрастной сегрегации дают два эксперимента американских психологов.

«Биологи Харлоу и Суоми изучали экспериментально, в каком возрасте маленькие обезьянки лучше всего обучаются. Но для «уроков» их приходилось отнимать у матерей, чтобы не мешали «учёбе». Расставание с матерью так подействовало на обезьянок, что препятствовало их психическому развитию. Картина эксперимента настолько исказилась, что его пришлось прекратить и начать заново. Теперь обезьянок отняли от матерей сразу после рождения, а в клетку к каждой поставили по креслу с мохнатой обивкой, напоминавшей шерсть матери. В спинку кресла встроили бутылку с соской и вскармливали обезьянок искусственно. Обучение шло прямо в клетке, кресло ему не мешало, но когда для пробы кресло уносили, детёныш падал на пол и горько «плакал» — неистово визжал.

Эксперимент закончили, а выросших «безмамных» обезьянок пустили в общее стадо обезьян. Однако они оказались настолько неконтактными, необщительными, что не смогли создать семейные пары, были агрессивно настроены к другим обезьянам. Тогда прибегли к искусственному оплодотворению и дождалась от этих выросших без мам обезьянок потомства. И что же? Они не проявили к собственным детям никаких нежных чувств. Одна оторвала руку своему ребёнку, другая раскусила голову, как кокосовый орех. Они не обращали внимания на то, что малыш «плачет», тогда как в стаде в подобном случае к нему немедленно бросается мать или кто-нибудь из других обезьян. **У «безмамных мам» совершенно отсутствовал материнский инстинкт, испокон веков считавшийся врождённым** (подчёркнуто мною. — Я.Б.). (Цит. по: *Никитины Б. и Л.* Первый день, первый год. М.: Знание, 1978.)

Второй эксперимент описан в книге известного американского социального психолога, профессора Корнелльского университета Ури Бронфенбрэннера «Два мира детства. Дети в США и СССР» (М.: Прогресс, 1976).

«Более тридцати лет назад 13 детей экспериментальной группы в трёхлетнем возрасте были отданы на попечение женщин, также находившихся в государственном заведении для умственно отсталых, причём всех детей поместили в разные палаты. Контрольная же группа оставалась в первоначальном окружении — в условиях стационарного детского приюта. В течение экспериментального периода, который длился приблизительно полтора года, коэффициент умственного развития детей из экспериментальной группы возрос на 28 баллов (с 64 до 92), тогда как в контрольной группе этот коэффициент снизился на 26 баллов. По окончании эксперимента появилась возможность поместить детей, воспитывающихся умственно отсталыми женщинами, в условия нормальной семьи (это было сделано путём законного усыновления). Через 30 лет было обнаружено, что все 13 детей экспериментальной группы «стоят на собственных ногах», все они, кроме двух, окончили среднюю школу, а четверо даже учились в колледже.

В контрольной группе многие испытуемые умерли, остальные всё ещё находились в специальном учреждении для умственно отсталых.

Другие исследования были проведены на более многочисленных выборках и дали аналогичные результаты. Большинство этих исследований посвящено роли матери и заменяющего её лица. К сожалению, до сих пор ещё недостаточно исследовано влияние на ребёнка

других членов семьи или близких ему лиц, таких, как братья и сёстры, бабушки и дедушки, друзья, старшие дети и взрослые».

Начиная с родильного дома и кончая вузом, современное воспитание и образование разделило детей, подростков и юношество на одновозрастные и достаточно жёстко изолированные друг от друга и от взрослого мира группы. И в каждой на 10, 20, 40 детей и юношей приходится один взрослый (чаще — женщина). Это ограничило взаимные контакты, взаимодействие детей, молодёжи и взрослых, контакты между всеми поколениями, а также их совместную деятельность — труд, отдых, спорт, праздники, т.е. — их совместную жизнь. Вспомните, когда ваши дети встречали праздник вместе с «предками»?..

В результате у нас прочно укоренилась возрастная сегрегация, через которую, начиная с рождения и кончая 23–24 годами, проходит каждый без исключения ребёнок, подросток, юноша. Каждый гражданин страны.

А ведь вся предыдущая история человечества этого противоестественного, противоприродного воспитания не знала. Она неопровержимо свидетельствует: **ребёнок может стать полноценным человеком, только вырастая в естественной, полноценной разновозрастной человеческой среде, в постоянной совместной деятельности.** Но этот выработанный в течение многих тысячелетий естественный и единственно эффективный способ воспитания полноценных подрастающих поколений в XX веке оказался совершенно разрушенным...

Младенцы

Сегодня женщины рожают в специально оборудованных для этого родильных домах, где обеспечивается максимальная забота о матери и ребёнке. Но вот с чем нельзя согласиться: в этих роддомах укоренилась неизвестная в прошлом технология — сразу после родов младенцев забирают у матерей и несколько суток держат отдельно. Больше того: весь период пребывания в роддоме их содержат изолированно от матерей, как обезьяньих младенцев в эксперименте американских психологов. К материнской груди их допускают лишь тогда, когда в ней исчезает молозиво, предназначенное самой природой для защиты новорождённого от инфекций и болезней в первые часы и дни жизни, для укрепления и развития его организма. На 10 и более новорождённых приходится одна «чужая» няня, которая не может заменить младенцам мать. Как показали отечественные и зарубежные исследования, всё это имеет тяжелейшие физиологические, психические, интеллектуальные последствия для детей: всевозможные неврозы, желтуха, диатез, аллергии, рахит, другие болезни; для матери — исчезновение молока, затягивание болезненного состояния, всевозможные кровотечения, маститы и т.д. Но самое главное — закрепление в подсознании охлаждения, отчуждения матери от ребёнка. Французские педиатры подтвердили выводы профессора И.А. Аршавского: юные роженицы-одиночки, приготовившиеся оставить ребёнка в роддоме, не могут с ним расстаться, если сразу после родов дают ему грудь. Сегодня молодые матери в массовом порядке отказываются кормить младенцев грудью. Тем самым они нарушают обычай, которым человечество пользовалось с тех пор, как помнит себя. Не потому ли сегодня так много плоскогрудых, невротичных, неженственных женщин? В мае 1983 г. газета «Известия» выступила с призывом — «объяснить молодой матери, какая огромная ценность для ребёнка — каждая капля её молока». «С первого вздоха, с первого крика ребёнка важен эмоциональный и физический контакт с матерью... Это благотворно сказывается на здоровье малыша. По этому принципу — мать с ребёнком в одной палате — будут строиться новые родильные дома».

«Благотворно действует раннее кормление и на женщину. Без всяких фармакологических средств её организм способен быстро прийти в норму. В Яузском роддоме погибала женщина от кровотечения. Отчаявшиеся спасти её врачи ухватились за последнюю «соломинку»: я предложил дать матери покормить ребёнка. Кровотечение прекратилось! Это далеко не единственный пример...» (Никитины Б. и Л. Первый день, первый год. М.: Знание, 1978).

Специальные исследования показали: если мать отказывает своему младенцу в эмоционально-физических контактах — не берёт на руки, не прижимает «кожа к коже», не ласкает, не

разговаривает с ним, не улыбается ему, не смотрит в глаза и т.п., то останавливается его развитие, он буквально гаснет на глазах. Никакое лечение, никакие лекарства не помогают.

Немецкие специалисты пришли к выводу, что младенцам жизненно нужны также постоянные контакты и с отцами, которых необходимо допускать к новорождённым. По их данным, в семьях без отцов малые дети умирают вдвое чаще, чем в семьях с обоими родителями. Отечественные (Н.М. Амосов, И.А. Аршавский) и зарубежные специалисты считают недопустимым пребывание младенцев в детских яслях в отрыве от матери и отца. Однако никто ещё не знает всех последствий отрыва от родителей или от одного из них детей до трёх лет и старше.

В нашей жизни впервые в истории человечества дети лишены возможности видеть младенцев — своих братьев и сестёр, ухаживать за ними — нянчить, т.е. проявлять заложенный в них природой великий инстинкт материнства и отцовства. Новейшие научные исследования выявили: если важнейшие человеческие инстинкты не реализуются в определённом возрасте, то они не реализуются вовсе.

А вот как было когда-то: «Мальчик, поступающий на одиннадцатом году в сельскую школу, мало похож на своего сверстника из образованных классов. Он не видел ещё букваря, но твёрдо знает азбуку жизни... Едва он стал твёрдо держаться на ногах, ему поручили младшего брата или сестру. Через это нянченье прошли все наши деревенские ребята — и мальчики, и девочки. На пороге сознательной жизни на них возлагается самая страшная из ответственностей — ответственность за жизнь беспомощного, дорогого, но докучливого существа, которое без их постоянной заботы существовать не может... Как только являются признаки физической силы, на мальчика возлагаются работы... сопряжённые с ответственностью за самые ценные части крестьянского инвентаря — за скот и лошадей. Он узнаёт всё не из рассказов, а из личного опыта... Он неуч перед пятилетним ребёнком образованных классов, но неизмеримо зрелее для жизни, чем двадцатилетний юноша, выхолонный в богатом, просвещённом семействе.

...Странным, почти чудовищным может показаться людям, чуждым сельской жизни, это нянченье крошек малютками, этот тягостный искус, возлагаемый на детей, слишком юных, чтобы понять всё его нравственное значение. Таковым казался он когда-то и мне. Но что, если он отражается на детях именно своей нравственной стороной, оставляя в их душе глубокое чувство жалости к беспомощным и малым?

Приводят в школу восьмилетнего мальчика. «Мал он ещё, — говорю я, — лучше подождать год или два». «Помилуйте, — отвечает мать, — пора его освободить: он уже четыре года нянчит...» (*Рачинский С.А.* Сельская школа. М.: Педагогика, 1991).

Поскольку во времена Рачинского (сто лет назад) подавляющее большинство населения России составляли крестьяне, то и подавляющее большинство российских детей имели возможность нянчить младенцев. И точно такую же возможность имели дети Украины, Белоруссии, Прибалтики, Грузии, Франции, Италии, Англии, Германии, Испании, как и любой другой страны. Нынешние дети и несколько предшествовавших им поколений лишены этой возможности. Многовековая народная традиция — поручать малым детям ухаживать за младенцами — великое достижение человеческой культуры. **Естественным образом это воспитывало доброту, ласку, любовь, ответственность, даже самопожертвование.** Эти чувства были прочными, надёжно укоренёнными, переходили от поколения к поколению.

В 1988–1989 гг. в бывшем СССР по официальной статистике ежедневно в среднем одна мать убивала своего младенца, т.е. в год совершалось 365 только материнских (не считая отцовских) детоубийств.

Причина этого страшного факта не может быть только социально-экономической. Против этого протестует весь исторический опыт, включая и наш отечественный: родители всегда и любой ценой оберегали своих детей, часто ценой собственной жизни. К этому их звал прежде всего могучий материнско-отцовский инстинкт, который теперь деградировал. Не мешало бы выяснить у родителей-детоубийц: в своём детстве нянчили они младенцев? Ма-

тери-детоубийцы кормили своих детей грудью сразу после родов? Чего только ни выпытывают следователи и судьи у родителей-преступников, каких только причин ни ищут! Но никогда не задают таких простых вопросов, хотя они могут многое объяснить в преступлении, которое часто выглядит немотивированным...

Малыши и подростки

Жизнь современных детей и подростков очень напоминает жизнь инкубаторных цыплят. Но для цыплят инкубатор кончается рождением и ранним младенчеством (несколько суток). И этого оказывается достаточным, чтобы инкубаторные куры утрачивали материнские способности: они не квохчут, не садятся на яйца, не высидывают потомство. У наших детей путь от рождения до зрелости проходит через сеть возрастных «инкубаторов». И хотя они не изолируют детей так же жёстко от разновозрастной среды, но последствия даже временной изоляции схожи. По крайней мере, множество прошедших через эту детско-подростковую инкубаторную сеть современных молодых, эмансипированных, образованных женщин не желают иметь детей, кормить их грудью, возиться с ними.

До недавних пор считалось благом, что государство берёт на себя заботы по воспитанию детей. Но чем больше оно это делало, тем больше родителей теряют вкус, интерес, склонность к их воспитанию, ограничивают и без того скудные контакты, занятия с детьми. По данным еженедельника «Аргументы и факты» (№ 35, 1989), наши работающие матери уделяют воспитанию своих детей 16 минут в день, американские — 1 час 23 минуты, французские — 2 часа 15 минут. Об отцах данных нет, но и без того ясно, что ежедневные отцовские контакты с детьми намного меньше материнских.

Специальные исследования обнаружили кажущийся невероятным факт: родители с начальным образованием «возятся» со своими детьми намного больше, чем со средним и особенно с высшим. И точно так же: чем выше образовательный ценз родителей, тем меньше у них детей.

Возрастная сегрегация и порождённый ею массовый развал семьи больше всего бьют по детям. «Благополучной» теперь считают такую семью, где родители хотя бы не пьянствуют, не дерутся между собой, кормят и одевают своих детей. Детскими же помыслами, сознанием, душой ребёнка большинство родителей, как и школа, и общество, не озабочены. В результате воспитанию нанесён такой сокрушительный удар, какого оно не знало за всю прошлую нашу историю. Глядя суровой правде в глаза, признаемся: государство, общество, его воспитательно-образовательные институты, семья — все, словно сговорившись, оттолкнули от себя, бросили на произвол судьбы детей и юношество. Вот и варится молодёжь «в собственном соку», — тусовки, свободный «безопасный» секс, безответственность перед «партнёром» (словечко-то какое!), а там и до криминала один шаг. Правонарушители, преступники, обитатели тюрем и лагерей резко помолодели, их возраст снизился до 10–12 лет. В некоторых детколониях уже открывают первые классы.

Одна из статей о беспризорных в еженедельнике «Факты и комментарии» (12.11.1997) озаглавлена словами, услышанными автором из уст этих несчастных детей: «Вырастем — отомстим!» Истоки кажущихся немотивированными преступлений следовало бы искать прежде всего в детстве преступника. Во всяком случае, старая пословица «Обойди (т.е. — опасайся. — Я.Б.) сироту» говорит именно об этом.

Особенно бурно растёт развращённость, безнравственность, жестокость девочек и девушек. А ведь древняя мудрость гласит: **воспитывая мальчика — воспитывают мужчину; воспитывая девочку — воспитывают нацию.** Взрыв проституции стал уже привычным, не вызывает былого возмущения. Эта «древнейшая профессия» на наших глазах становится, по существу, массовой, легальной, легко доступной и весьма прибыльной. Газеты, похоже, устали об этом писать, мы — об этом читать.

Возникает законный вопрос: если мы оказались способными бросить миллионы своих детей в пучину бродяжничества, сиротства, преступного мира, отдать их на растление, нрав-

ственное распятие, то всё ли с нами, взрослыми, в порядке? В своём ли уме общество? И зачем мы суедемся с какими-то реформами, рынком, демократией, суверенитетами — кому всё это будет нужно, если детям нашим на это глубоко наплевать, если судьбы многих из них уже сломаны?

Для многих родителей стало правилом проводить свои отпуска отдельно от детей, многие супруги практикуют и отдельный друг от друга отпуск. Резко сокращаются контакты, совместная деятельность даже тогда, когда для этого есть возможность.

А посмотрите, какой размах получили в обществе всевозможные спецзаведения: для детей, брошенных родителями, для детей с различными проблемами (глухие, слепые, слепоглухонемые, олигофрены и т.п.). «Спецрезервации» превращают жизнь и без того несчастных детей в подлинную трагедию. Большинство таких детей, вырастая, становятся изгоями, наказанием для окружающих. Наказанием, впрочем, вполне заслуженным.

Учёные мужи и дамы — идеологи этой спецсортровки, спецсегрегации детей и стариков, — убеждены, что тем самым помогают и людям, и обществу. На самом же деле они лишают всех остальных возможности проявить такие присущие людям чувства, как терпимость, ответственность, заботу, великодушие, милосердие, — **то есть именно те чувства, которые только и делают людей людьми и без которых самые «отборные» красавцы и красавицы всего лишь нравственные уроды.**

Не только дети-сироты и дети-инвалиды, но и престарелые в старые времена всегда жили в семье. С очевидной пользой для окружающих могли бы жить и сегодня.

Феминизация

Уже не одно поколение наших мальчиков в подавляющем большинстве не имеет дела с мужчинами. И прежде всего — в семьях, половина которых в результате развода оказалась без отцов, а в остальных многие родители живут на грани развода — в доме постоянные ссоры, а то и драки. Отцу не до детей... Но и в так называемых «благополучных» семьях отцы крайне мало занимаются своими детьми.

Ещё хуже обстоят дела в школе, во внешкольных учреждениях, где мужчин-учителей и воспитателей крайне мало или нет совсем. Таким образом, в семье, в яслях, в садиках, в школе, где дети проводят подавляющую часть своей детско-подростково-юношеской жизни и где формируются их характеры, большинство наших мальчиков лишены совместной с мужчинами деятельности.

Тяжкие последствия этой ситуации испытывают в первую очередь будущие мужчины. **Полное отсутствие мужского достоинства, рыцарского отношения к женщине, неспособность к поступку, размытость нравственных критериев — вот что характерно для большинства современных мужчин. Это некие бесполое по характеру существа, умеющие лишь краснобайствовать...**

Но и этим не ограничиваются издержки феминизации общества. Оказывается, и для полноценного воспитания девочек, для формирования гармоничного женского характера им, как и мальчикам, крайне необходимы постоянные контакты, совместная деятельность с отцами. Или хотя бы с учителями-мужчинами. Но и девочки в подавляющем большинстве этого лишены. В воспитании девочек и мальчиков, девушек и юношей сегодня нет существенных различий ни в школе, ни в вузах, ни в семье. **Женское воспитание — дело особое, чрезвычайно сложное, тонкое и крайне ответственное.** Но есть ли среди работ наших учёных хотя бы одна, посвящённая этой проблеме и оказавшая влияние на практику? **Так где же и как нашим детям получить представления о полноценных взаимоотношениях мужчины и женщины, об их родительских ролях, обязанностях, семейных заботах, проблемах и разумных способах их разрешения?** Где освоить, впитать этот драгоценный опыт как самый важный для своей взрослой жизни? Миллионы современных детей вместо этого приобретают опыт как раз негативной, извращённой, безнравственной жизни мужчины и женщины.

Вот и получается: на возрастную сегрегацию накладывается половая сегрегация, и в ре-

зультате даже те, кто вступает в брак по великой любви, вскоре обнаруживают полное неумение вести хозяйство, дом, выполнять свои семейные роли — быть великодушным, уступчивым, терпимым и т.д. Семью разъедают ссоры, взаимные упрёки, и брак распадается. Увы, столь модный ныне секс не в силах цементировать отношения мужчины и женщины.

Дедовщина

Лет двадцать тому назад этого слова никто не знал, ни в одном словаре его нельзя было бы найти. Оно появилось в самой жизни — по всем законам развития языка и, к сожалению, прочно вошло в нашу жизнь.

Молодёжь, служащая в армии, с особым тщанием и даже жестокостью разделена на пять возрастных категорий, теперь уже не по годам, а по месяцам и даже по дням службы. В армии сегодня есть «духи» (от призыва до зачисления в боевую часть), «молодые» или «сынки» (первые шесть месяцев службы), «черпаки» или «чижи» (вторые шесть месяцев службы), «деды» (третьи шесть месяцев службы) и «дембели» (последние сто дней службы). Эта армейская возрастная сегрегация порождает одни и те же последствия: подобно тюрьмам и лагерям, где «воспитание» заключённых сосредоточено в руках блатных, навязывающих им свою мораль и звериные законы, в армии взаимоотношения в солдатской массе отданы во власть жестоких «дедов», которые по своим повадкам сегодня мало отличаются от блатных. Дедовщина не минует, по существу, подавляющую часть молодёжи страны в незрелом возрасте.

Те, кто занимается воспитанием молодёжи, говорят, что дедовщина зарождается задолго до армии. К несчастью, это так. Обижать меньших, грабить, унижать, бить, издеваться над ними становится всё более прочной традицией в школах, техникумах, профучилищах.

«Зловещим шёпотом прошелестело по страницам... газет слово «Казань» и тут же стало символом крайней подростковой жестокости в большом цивилизованном городе. Сообщения из Казани с перечислением убитых и раненых подростков напоминали сводки о военных действиях... поразительное бессилие городских властей, милиции, педагогов... стали приходиться тревожные вести и из других городов, где, оказывается, происходили сходные события...»

...Я стал рассказывать киевским ребятам о Казани. Они заволновались: «И у нас то же самое!» И посыпалась информация: кто бьёт, кого, где, когда и как. Ходить в школу становится опасно, школьное здание становится опасным местом, как считается опасным местом тёмная подворотня или глухой, безлюдный переулок...» (*Кольченко В. Насилие от бессилия // Первое сентября. № 7. 13.10.1992.*)

Так теперь.

А вот как было когда-то: «Старшие ученики принимают новичков с радушием и лаской. Эти мальчишки — любимцы школы. По доброй домашней привычке с ними носятся и нянчатся. Мерзкий обычай немецкой школы, перешедший и в наши средние учебные заведения, обычай дразнить и мучить новичков совершенно чужд школе русской — а такова пока лишь наша бедная сельская школа. Но этого мало. Заботливость старших о новичках составляет такую же характерную особенность в нашей школе, как противоположная черта в школе немецкой. Эта заботливость проявляется во всём: в играх, в работах, в постоянной помощи старших младшим в школьных занятиях. Она сопровождается изумительным в детях терпением и умением обращаться с детьми младшего возраста, умением, которое было бы непостижимо, если бы мы не знали, что оно приобретает вне школы ранней, продолжительной практикой». (*Рачинский С.А. Сельская школа. М.: Педагогика, 1991. С. 18–19.*)

Как же нам удалось за 100 прошедших лет настолько переплюнуть по жестокости и озверению детей старую немецкую школу, которая в нынешнем состоянии вряд ли хуже нашей в этом отношении?

На это есть немало причин.

Классы сельских школ времён Рачинского были разновозрастными, в них насчитывалось

не более 15–20 учеников, а не 30–40, как сегодня, а в школе в целом 200–400 детей, а не тысяча–полторы, как теперь, и где каждый ребёнок чувствует себя чужим, потерянным в этой холодной казарменной массе. **Даже самый добросовестный, душевный учитель не в состоянии дотянуться до каждого, поддержать, обогреть.** Не забудем и ту удушливую атмосферу лицемерия, лжи, цинизма, бесчеловечности, которая господствует почти сто лет в нашем учебно-воспитательном процессе. Ничего подобного русская и украинская дореволюционная школа — и городская, и особенно сельская — не знала при всех своих недостатках. Всё это жестокое следствие возрастной сегрегации, отсутствия опыта нормальных человеческих взаимоотношений между детьми разных возрастов и в семье, и в школе.

Родители: издержки сегрегации

Раздельная, изолированная жизнь детей и взрослых оказывает пагубное, разлагающее воздействие на тех и на других. Рядом с детьми взрослые внешне и внутренне как бы подтягиваются, ведут себя сдержаннее, ответственнее, нравственнее, достойнее. **Человеку дано природой стыдиться детей своих, быть им примером, защитником, воспитателем.** Совместная с детьми жизнь и деятельность оказывают могучее, ничем не заменимое воспитательное воздействие на взрослых. Не зря ведь сказано: **ребёнок — отец отца своего!**

Изолированные от детей взрослые — такие же несчастные сироты, как и дети-сироты. Разница только в том, что дети ощущают своё сиротство как трагедию, тогда как взрослые платят за это душевной пустотой и распушенностью.

Разрушенные связи привели к тому, что мы удивили мир принципиально иным, неслышанно-невиданным отечественным типом стариковских резерваций. Речь идёт о десятках тысяч так называемых «неперспективных», заброшенных, забытых людьми и Богом деревень, где остались одни старики. Одинокое, обессиленные преклонными годами, болезнями, тяжкой крестьянской работой, лишённые света, связи, медицинской и иной помощи, а часто даже самых необходимых продуктов чьи-то бабушки и дедушки, матери и отцы оказались никому не нужными, брошенными на произвол судьбы и государством, и обществом, и своими разбежавшимися по городам и весям детьми. А ведь эти старые люди — то поколение, на долю которого выпали самые тяжкие испытания. То жалкое, постыдное для страны состояние, в котором деревенские старики доживают свою жизнь, — наш национальный позор, такого не знала наша Отчизна во всей своей прошлой истории.

Возрастная сегрегация детей обернулась сегрегацией взрослых: по мере того как всё больше родителей стремятся отгородиться от детей, всё больше этих детей, повзрослев, избавляются, отгораживаются от своих родителей, от стариков. В результате само общество стало больным, дефективным.

«Разрыв с традицией, когда достигается критическая точка, за которой младшему поколению не удаётся достигать взаимопонимания со старшим, не говоря уж о культурном отождествлении с ним. Поэтому молодёжь обращается со старшими как с чужой этнической группой, испытывая к ним «национальную ненависть». Эта тенденция имеет своей главной причиной недостаточный контакт между родителями и детьми, вызывающий патологические последствия... расстройства, ведущие к ненависти и войне между поколениями...»

...У мальчиков становится заметным расстройство **из-за исчезновения «образа отца».** За исключением крестьянской и ремесленной среды мальчик в наши дни почти не видит отца за работой; ещё реже приходится ему помогать в этой работе, осознавая при этом впечатляющее превосходство взрослого мужчины. И вот — устрашающее количество молодых людей вырастают теперь без такого «образа отца».

...Современная молодёжь начинает рассматривать старшее поколение как чужой «псевдовид»... стремится как можно дальше отойти от поколения родителей в своих обычаях и нравах. Традиционное поведение старших она не просто игнорирует, но замечает в малейших деталях и во всём поступает наоборот. Бунтующая молодёжь реагирует на чужую группу, на «группу стариков», враждебную ей. Так «гамбургские «рокеры», избивают без-

защитных стариков» (*Бим-Бад Б.М.* Педагогическая антропология. М.: УРАО, 1998).

Если у нас ненависть юного поколения к старшему ещё не достигла дикого, уродливого западного уровня, то радоваться нам всё равно нечему: мы ускоренно движемся к нему...

Вряд ли кто будет спорить с тем, что причиной этого социального уродства молодого поколения стало разрушение уклада семьи. На смену традиционной многослойной, разновозрастной семье, включавшей в себя поколения дедушек и бабушек, отцов и матерей, сынов и дочерей, внуков и правнуков, ближайших родственников, на смену их совместному или территориально близкому проживанию, традиционной многодетности, тесному взаимодействию родичей, — на смену всему этому давно пришла семья новая, однослойная, одновозрастная, мало- или бездетная, проживающая (особенно в городах) изолированно не только от родителей и родственников, но и от ближайших соседей.

Прерванными оказались полноценные связи, преемственность поколений. А новая семья оказалась жёстко изолированной, сегрегированной не только в возрастном отношении, но и в житейско-бытовых условиях своего существования.

В результате эта новая семья оказалась одинокой, незащитной, беспомощной, хилой, легко разваливающейся при первых же серьёзных испытаниях, психологический климат этой новой семьи — остро конфликтен, невыносим. Эмансипированные папа и мама свободно вступают во внесемейные половые связи. Появилось чудовищное для русского и украинского менталитета явление: эти связи не скрываются от детей. Больше того, дети вовлечены в них: сын или дочь знают, что эта женщина «любит папу» или мужчина «любит маму». Кто исследовал, какие надломы, перекосы происходят при этом в душе ребёнка? В лучшем случае он повторит «опыт» отца. В худшем — возненавидит его на всю жизнь, как и «любящую» его тётю, а с ней и всех на свете женщин...

Забываясь о выживании, продлении рода, природа наградила человечество завидным любвеобилием. В этом вечное противоречие между человеческой природой (полигамной) и природой брака (моногамной), которое пыталось разрешить не одно поколение. Смелее всех разрушить традиционную «буржуазную» семью брались марксисты и большевики, обещавшие на её обломках соорудить семью «новую», «социалистическую». Известно: разрушать — не строить. За это всегда смело берутся профаны, болтуны, ничего в строительстве не смыслящие. Большевикам-марксистам не удалось построить «соцсемью» и разрушить «капсемью» — она не поддалась, осталась, какой была. Марксисты безапелляционно уверяли: как только браки станут заключать по пылкой, возвышенной любви, без малейшего расчёта и меркантильных соображений, без вмешательства родителей и т.п., — так все семьи станут сказочно счастливыми, исчезнут разводы, разврат, проституция и т.п. Но грешная жизнь не желает следовать самым оптимистичным «теоретическим» предначертаниям. «У женившихся по расчёту удач в полтора раза больше, ... чем у влюблённых». (*Рюриков Ю.Б.* Мёд и яд любви. М.: Молодая гвардия, 1990). Глупо выглядят легкомысленные, самоуверенно-невежественные проекты мгновенной перестройки, уничтожения традиций, мгновенного «осчастливливания» семьи. Разумеется, нелепо считать традиционные правила неизблемыми, вечными, неприкасаемыми, приемлемыми для всех времён. Речь лишь о том, что полное пренебрежение ими ведёт к распаду личности и общества.

Мы все уже, кажется, поняли, что культура, интеллигентность — это вовсе не высокая образованность, изящные манеры, изысканные туалеты, приверженность к музыке, искусству и т.д. Всё это лишь часть культуры, далеко не главная. Главное в другом — в умении строить искренние человеческие отношения с другими людьми и средой обитания, умении понимать других, сочувствовать, сострадать, помогать им, ограничивая, обуздывая себя, свою гордыню, по-людски относиться ко всему живому на земле и к ней самой, матушке. Вот в чём подлинная духовность. Без этого умения не станешь культурным, интеллигентным человеком, какие диссертации ни защищай, как ни одевайся, какие манеры ни заводи, как ни маши языком. Именно это драгоценное умение и в прошлом, и теперь свойственно многим деревенским

жителям старшего поколения. Откуда же оно у них бралось, в каких университетах, академиях они ему обучались? Это загадка, тайна для тех, кто привык видеть в деревенской жизни лишь безграмотность, темноту, забитость. Деревенская, крестьянская тайна остаётся неразгаданной для тех, кто и сегодня не сообразит, что, разорив свою деревню, мы ведь разорили не просто дома, подворья, поразгоняли с родных, веками обжитых мест десятки миллионов людей. Вместе с этим мы одновременно **уничтожили, словно вандалы, великую культуру великого народа. Культуру, которая складывалась веками, по крупинке и была основой, фундаментом** всея Руси — и древней, и за ней последовавшей. В деревне испокон веку невозможно было скрыть дурной поступок, сурово осуждаемый общественной моралью. Он поэтому и был редкостью, дурной поступок: **психически нормальный человек в нормальной обстановке не способен совершать то, что ни в ком не вызовет сочувствия, всеми будет осуждено.**

В этом и состояла сила крестьянской морали, защищавшей общество от разнузданности, вседозволенности, что так свойственно городу. В селе никто не мог остаться без помощи, без дела — каждому в этой разновозрастной среде находилось дело по силам. О сегрегации — возрастной, половой — здесь не могло быть и речи.

А что такое нынешняя наша городская жизнь? Никаких новых форм человеческих отношений, взаимопомощи, заботы, родства, братства переполненные людьми города не создали. Наоборот, они всё больше и быстрее теряют то, что взяли из быта, уклада, культуры старой деревни. Каждая городская семья всё более замыкается, изолируется от соседей, теряет ближних и дальних родственников. Запуганные взрывом грабежей, бандитизма, горожане ставят всё новые замки, запоры в квартирах и подъездах, решётки на окнах, бронированные двери, сигнализацию, превращают свои жилища в доты, дзоты, крепости, мечтая укрыться в своих норах от всех и вся. Только напрасно всё это, пустое: от себя не убежишь, не спрячешься. **А обрушившиеся на нас беды, включая разгул уголовщины, — всё это результат нашей собственной деятельности, плоды которой и пожинаем.** Никто нам воров, жульё, бандитов, безголовых политиков не завёз, не заслал — все они наши, родные, нами рождённые, вскормленные, возвращённые.

Так и живём, не ведая стыда...

Публицисты уже устали повторять: «Красота спасёт мир». Может, поняли, что не спасёт? Конкурсов красавиц всё больше и больше, а духовного возрождения, в том числе и самих красавиц, и устроителей конкурсов, и щедро финансирующих их богачей, пока не видать. Возрождением пока и не пахнет.

Убеждён: только воспитанием — в семье, в школе — мы поможем каждому ребёнку, подростку, юноше, взрослому стать **достойным человеком.**

Возвращаюсь к исходной проблеме статьи. Что же нам делать, чтобы преодолеть все формы возрастной сегрегации, которая, подобно радиации, не обладает чётко видимыми признаками, но тем не менее оказывает на общество своё разрушительное воздействие? Риску в порядке обсуждения дать некоторые рекомендации, ибо точный рецепт от этой «болезни» может быть прописан только после тщательного комплексного, научного анализа — психолого-педагогического, социального, медицинского, юридического, демографического, этнографического, исторического, религиозного, экономического. Только такие исследования способны определить всю совокупность накопившихся здесь проблем и способы, средства их решения.

Итак:

1. Во всех видах дошкольного, среднего и внешкольного воспитания детско-юношеские группы, классы должны формироваться по разновозрастному принципу в отличие от господствующего ныне одновозрастного. Во все школьные и внешкольные учреждения должен быть открыт широкий доступ родителям. Ежедневно в каждом из них должна работать совместно со штатными воспитателями, в дружном сотрудничестве с ними группа родителей и обеспечивать полноценную совместную деятельность детей и взрослых.

2. Во всех учебных заведениях, — от средних до высших, — должен получить самое широкое распространение экстернат — свободное продвижение учащихся из младшего класса в старший класс (курс) в соответствии со способностями, темпом усвоения учебного материала. Такое продвижение соответствует человеческой природе.

3. Всех детей-сирот и детей с проблемами следует отдать в семьи, которым государство должно установить адекватную плату, а общество уделять внимание. От многих дефицитов мы ныне избавились. Но самый большой наш дефицит сегодня — **это дефицит добрых, милосердных людей**. Нам срочно нужна своя мать Тереза и тысячи её последователей, иначе задохнёмся в собственной злобе.

4. Необходимо открыть доступ родителям, общественности в детские колонии. Нельзя больше равнодушно наблюдать, как живущие за стенами и проволокой этих заведений дети за время заключения становятся вполне законченными бандитами.

5. Преодолению, ликвидации «дедовщины» способствовала бы организация службы новобранцев недалеко от родного дома, что возможно теперь в большинстве родов войск. Это позволило бы солдатам проводить выходные дома или встречаться в эти дни с родными, близкими, приезжающими в часть.

6. Преодоление феминизации — крайне сложная проблема. Разводы не запретишь, мужчин по приказу в школы не отправишь. Но и здесь есть решение: в 1999 г. Законом Украины «Об общем среднем образовании» учителя освобождены от воинской повинности. Для мужчин служба в школе стала альтернативой военной службе.

Нужны и другие меры, скажем, из-за сложности, тяжести учительского труда снизить пенсионный возраст учителей с правом получать полную пенсию и зарплату в случае продолжения трудовой деятельности.

7. Наконец, самое главное: в школу, в вуз, **в жизнь наших детей нужно вернуть труд, полноценное общение с разными категориями людей — младенцами, инвалидами, престарелыми и т.д.** Сделать это как угодно — в виде практики, в форме профориентации. Не будем забывать наставление классика научной, природосообразной педагогики: добродетельный человек воспитывается «посредством дел, а не посредством болтовни».

Иначе чем с помощью доброго дела нам не преодолеть возрастное и социальное разобщение людей, обрекающее общество на деградацию...

г. Киев, Украина